

ПЕТР ЮРЬЕВИЧ МАЛКОВ «ТАИНСТВО БРАКА. ВВЕДЕНИЕ В ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ»

Содержание

- [1. Духовный смысл Таинства Брака](#)
- [2. История и чинопоследование Таинства Брака](#)

1. Духовный смысл Таинства Брака

По словам святителя Московского Филарета, «Брак есть Таинство, в котором при свободном перед священником и Церковью обещании женихом и невестой взаимной их супружеской верности благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия для благословенного рождения и христианского воспитания детей».[1] По определению Х. Андруцоса, «Брак есть священный богоустановленный обычай, в котором свободно сочетающимся подается через священника благодать Святого Духа, освящающая и возвышающая естественный брачный союз».[2]

Во многих богословских работах, посвященных значению Таинства Брака, зачастую можно обнаружить одну крайнюю точку зрения. В сочинениях некоторых, как правило монашествующих, богословов проскальзывает мысль о том, что брак – это «Божественная уступка» человеческой слабости плоти и что он по своей сути является чем-то вроде полууказанного блудодеяния. При таком подходе получается, что Господь лишь терпит Брак, снисходя к нашей немощи, к безраздельно властвующей над нами человеческой страстности; иначе Он все браки бы расторг и упразднил в самом срочном порядке. Подобное впечатление зачастую возникает, например, при чтении известного учебника по догматическому богословию архимандритов Алипия и Исаии: уж очень неприязненно высказываются эти авторы о Браке. Из таких работ легко сделать вывод: единственный «нормальный» путь Спасения в Православии – монашеский. Следует иметь в виду, что церковной традиции, церковному Преданию эта крайняя точка зрения абсолютно чужда. Церковь утверждает, что и девство, и брак – каждый из двух возможных путей христианской жизни – способны принести нам пользу на путях Спасения, даровать свои особые благодатные плоды. При этом, однако, Церковь свидетельствует, что монашеское житие по своим духовным возможностям все же несколько выше, чем жизнь в семье, в христианском браке (мысль о превосходстве девства над браком яснее всего выражена в 7-й главе Первого послания к Коринфянам апостола Павла). О превосходстве девства над браком неоднократно пишет и святитель Иоанн Златоуст. Вместе с тем он считает необходимым оговориться: «Девство я считаю гораздо досточтимее брака: и однако чрез это я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его».[3] Однако о девстве Златоуст пишет гораздо более возвышенно, чем о браке: «Брак – добро: и девство потому достойно удивления, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчий превосходит гребцов и полководец – воинов. Но как, отняв у корабля гребцов, ты потопишь корабль, и, удалив из сражения воинов, предашь в плен врагам самого полководца; так и здесь, если ты низведешь Брак с его высокой степени, то уронишь славу девства и низведешь его до последней степени зла. Девство – добро: утверждаю это и я; оно лучше Брака: и с этим соглашаюсь. И если угодно, я прибавлю, насколько оно лучше, – именно настолько, насколько небо лучше земли, и ангелы – людей, а сильнее сказать, то и этого больше».[4]

Но и в Браке человек тоже может обрести особые духовные блага, причем те блага, которые неспособен стяжать даже монах. Повторяю: каждый из этих двух путей способен даровать христианину что-то свое, особенное, неповторимое. Вместе с тем, строго говоря, и монашеская, девственная жизнь это тоже в конечном счете брачный союз. Правда, это Брак духовный. Монах должен увестись Христу. То есть душа монашеская, душа девственная – через принесенные иноческие обеты, через постриг – делается невестой Христовой, как бы вступает в мистический Брак с Господом. Эту же мысль высказывают и древние Святые Отцы. «Ты вся пребудешь Христова, пока наконец увидишь и Самого Христа, жениха твоего», – обращается к девственной душе святитель Григорий Богослов.^[5]

Святой Отец Церкви III века священномученик Мефодий Патарский (Олимпийский), при жизни которого еще не существовало установления монашества, но уже приносились христианские обеты девства, пишет, сравнивая пути брака и безбрачия: «Церковь уподобляется цветущему и разнообразнейшему лугу, как украшенная и увенчанная не только цветами девства, но цветами деторождения и воздержания».^[6] Мы видим: в Церкви Христовой существуют различные пути для соединения человека со своим Творцом. И потому христианин может осуществить дело Спасения как приняв монашеский постриг, дав обет девства, так и живя в семье, в благословленном Церковью Браке.

Брак в церковной традиции часто именуют таинством любви. Всякая же любовь обретает свой смысл и подлинную ценность лишь тогда, когда она осуществляется в Боге, во Христе: ведь, по выражению апостола Иоанна Богослова, Сам *«Бог есть любовь»* (1Ин.4:8). Следует помнить, что в христианском Браке реализуется не просто земная любовь, но и любовь небесная, взаимная устремленность любви Бога и человека. В Браке даются новые особенные пути для соединения человека не только со своей земной половиной – с мужем или женой, но и с Самим Божеством.

Таинство Брака – самое древнее из церковных Таинств. Зачастую принято говорить о том, что все Таинства установлены Господом Иисусом Христом в евангельскую эпоху. Момент установления Таинства Брака обычно связывают с посещением Господом Иисусом Христом брачного пира в Кане Галилейской, где Он претворил воду в вино. Однако древние Святые Отцы утверждают иное: Таинство Брака – это единственное Таинство, которое заключается, совершается еще в Райском саду, еще до грехопадения человека. Причем оно реализуется здесь уже именно как Таинство, уже как благодатное Божественное священнодействие. Сам Бог приводит жену к Адаму, и вот это-то и есть первое древнейшее Таинство Брака. Именно тогда, по слову блаженного Феодорита Кирского, Бог сочетал жену «с мужем по закону, и ныне остающемуся в силе, привел ее к мужу. Сам стал невестоводителем и другом жениха ...».^[7] А вот что пишет об этом святитель Астерий Амасийский: «Первый устроитель Брака есть Творец, сочетавший первозданных людей брачными узами и будущим поколениям давший непререкаемый порядок сожителства, который они должны были чтить как закон Божий. Соединенные же друг с другом *«уже не двое, но одна плоть; итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает»* (Мф.19:6)».^[8] Да, Сын Божий установил Таинство Брака, но установил его еще до Своего Воплощения и совершил это вместе с Отцом и Святым Духом – в единстве Тройческой промыслительной деятельности о судьбе человека. Как пишет блаженный Августин, «Христос явился на брак (в Кане), чтобы подтвердить, что Он Сам в Раю установил брак».^[9]

Тот первый райский Брак сделался святыней еще и потому, что уже изначально – в Божественном предведении о грядущей необходимости Воплощения Христова ради Спасения падшего человека – оказался также и прообразом новозаветного союза Христа и Церкви. Святитель [Иоанн Златоуст](#) пишет об этом так: «как Ева... произошла из ребра Адамова, так и мы из ребра Христова. Это значит *«от плоти Его и от костей Его»* ...

Когда Христос был вознесен на крест, пригвожден и умер, тогда *«пришедшие один из воин ребро Ему прободе, и изыде кровь и вода»* (ср. Ин.19:34), и из этой крови и воды составила вся Церковь... Как во время сна Адамова создана была жена, так и во время смерти Христовой образовалась Церковь из ребра Его. Но не потому только нужно любить жену, что она член наш и от нас получила начало своего существования, но и потому, что об этом самом Бог поставил закон, сказав так: *«сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будете два в плоть едину»* (Быт.2:24)... Как же это произошло со Христом и Церковью? – Как жених, оставив отца, приходит к невесте, так и Христос, оставив престол Отца, пришел к невесте: не нас возвел горе, но Сам пришел к нам». [10]

Итак, свидетельство о смысле Таинства Брака, о том, что мистически происходит в этом священнодействии, мы обнаруживаем еще в первых главах книги Бытия: *«Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей: и будут два одна плоть»* (Быт.2:24).

Брак и в Ветхом, и в Новом Завете – это синоним радости. Так, например, то состояние, которое явится праведникам в жизни будущего века, когда святые будут пребывать с Агнцем, то есть со Христом, в книге Откровения Иоанна Богослова именуется брачным пиром, брачной вечерей: именно тогда и осуществится в своей полноте нескончаемый брачный союз Христа и Его единой Церкви. *«Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу: ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне [Ангел]: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца»* (Откр.19:7–9).

Следует отметить, что если в древней православной богословской традиции Святые Отцы мыслят и пишут о Браке очень и очень возвышенно, то в католической традиции Брак зачастую заметно принижается. Правда, это не вполне верно в отношении католического богословия XX и начала нынешнего века, когда в западной традиции – при ее обращении как к восточному богословию, к восточным Отцам, так и к собственному древнему латинскому святоотеческому наследию – начали рассуждать о Браке также вполне возвышенно. Но классические средневековые католические авторы говорят о Браке порой в весьма уничижительном ключе, утверждая, что Брак дан нам Богом только по человеческой слабости, что Бог терпит Брак лишь потому, что человек неспособен жить иначе. Вот что пишет, например, известный католический учитель молитвы Бонавентура: *«Брак не узаконяет любовь к жене, он едва ее оправдывает. Любовь сама по себе есть гнусная вещь: она есть препятствие для любви к Богу, единственно законной любви»*. [11] А вот что говорит «ангельский доктор» Фома Аквинский, чье богословие фактически является признанным официальным вероучением католической традиции: *«Брак есть зло прежде всего для души. Ибо ничто так не пагубно для добродетели, как плотское сожитие»*. [12] Такое отношение к Браку в конечном итоге вылилось в протестантское нейтрально-равнодушное отношение к супружеству, где Брак начинает рассматриваться лишь как путь для рождения детей. Тем самым в западной традиции Брак все в большей и большей степени понимается не как духовный, мистический союз мужчины и женщины во Христе, но лишь как путь к физическому единению супругов. И вот знаменитый философ Иммануил Кант, который, конечно же, не был атеистом и составил свое собственное знаменитое доказательство бытия Божьего, дает следующее определение Браку: *«Брак есть союз двух лиц разного пола с целью пожизненного взаимного их пользования половыми особенностями»*. [13] Как вы сами понимаете, ни о каком духовном, мистическом измерении Брака здесь уже речи не идет.

В отличие от такого западного подхода, православная традиция провозглашает, что Брак – если это Брак христианский, церковный – может и должен быть *«честен»*, а супружеское ложе – *«непорочно»* (ср. Евр.13:4). Такой Брак отнюдь не оскверняет человека, но, напротив, освящает и очищает его: именно это и позволяет апостолу Павлу

сравнить как брачный союз Христа и Церкви, так и супружеский союз мужа и жены с омывающей грех «баней водной» (Еф.5:26). Брак способен оказаться святым, приводящим человека к состоянию богообщения, в том числе, как это ни удивительно, и благодаря физическим отношениям супругов. В этом смысле Церковь не рассматривает и физическое общение христианских супругов как общение греховное. Разврат и блуд отнюдь не являются следствием такого общения мужа и жены. Подлинная любовь между супругами, по выражению Златоуста, рождается от целомудрия, причем это не означает, что целомудрие достигается тем, что муж и жена воздерживаются от супружеского общения. Просто их физические отношения переходят на новую ступень, когда осуществляется уже не просто соединение двух людей, но их единство в Боге. «Распутство же» в Браке, по мысли Златоуста, «бывает ни от чего другого, как от недостатка любви».[14] Если в Браке нет подлинной любви во Христе, а находится место лишь физическим отношениям мужа и жены, тогда, даже если это венчанный, церковный Брак, он может стать самым настоящим блудом. Именно в этом смысле святитель Иоанн говорит о том, что «брак есть как пристань, так и кораблекрушение»[15] – в зависимости от того, как будут в нем жить люди. Но тот же Златоуст настойчиво утверждает: «Нечистота заключается не в телах сочетающихся, но в произволении и в помыслах».[16] То есть все здесь зависит от того, в каком состоянии пребывают супруги в своих помыслах, в своих душевных устремлениях. Учитель Церкви Климент Александрийский сравнивает вступление человека в брачную жизнь с вкушением первыми людьми – Адамом и Евой – плодов с древних райских деревьев. Он говорит о том, что для одних супругов брак может оказаться плодом Древа познания добра и зла, как приобщением греху, внутренним опытом причастности злу, а для других – плодом с Древа Жизни, как опытом истинного богопознания. Это зависит от того, нарушают ли живущие брачной жизнью супруги заповеди Божьи, соблюдают ли они в ней подлинную христианскую чистоту. Тем самым для одних супругов брачная жизнь может стать нравственно губительной, а для других – духовно животворящей.[17]

Рассуждая об этом, замечательный православный пастырь митрополит Антоний Сурожский пишет так: «Лишь тогда, когда два человека стали едины сердцем, умом, духом, их единство может вырасти, раскрыться в телесном соединении, которое становится тогда уже не жадным обладанием одного другим, не пассивной отдачей одного другому, а *таинством*, самым настоящим таинством, то есть таким действием, которое прямо исходит от Бога и приводит к Нему».[18] (Обратите внимание, вот еще одно глубокое определение смысла православных церковных Таинств: Таинство – действие благодати, которое прямо исходит от Бога и приводит к Нему, соединяя христианина с его Творцом.)

Христианин призван уже сегодня, даже в нашем теперешнем падшем состоянии, иметь опыт жизни небесной, отчасти приобщиться к жизни в Царствии Божьем. И это становится для него возможным именно благодаря церковным Таинствам, и в том числе – Таинству Брака. Таким образом Брак перестает быть лишь удовлетворением каких-то естественных физических побуждений человека. Брак – церковный Брак – это уникальный союз двух людей, которые могут превзойти ограниченность собственной человеческой природы и быть соединенными в Браке не только друг с другом, но и со Христом. В христианском брачном союзе всегда осуществляется особое духовное единство троих – мужа, жены и соединяющего их Бога.

А что же произойдет с установлением Брака, с каждым заключенным здесь, на земле, брачным союзом в жизни будущего века? Святитель Иоанн Златоуст говорит о том, что брачные отношения сохранятся и там: конечно же не в смысле супружеского физического общения, но как вечный союз любви, как духовный союз. То есть люди, которые вступают в Брак, вступают в него не только на краткий – перед лицом грядущей вечности – период своей земной жизни, но именно навсегда, на все времена, и – ради совместной жизни за

пределами всех времен. Святитель Иоанн Златоуст пишет о том, что подлинная богодарованная брачная любовь не должна ослабеть никогда – даже во Втором Пришествии. В своем знаменитом толковании на Послание к Ефессянам святитель Иоанн, обращаясь как бы от лица христианского супруга к его возлюбленной жене, восклицает: «Я привязался к тебе и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Нынешняя жизнь ничего не значит, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться нам так устроить настоящую жизнь, чтобы можно было и там, в будущем веке совершенно безбоязненно встретиться друг с другом. Жизнь наша кратка и завершается смертью, но если удостоимся угодить Богу, пройдя эту жизнь, то всегда пребудем со Христом и друг с другом в великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не может для меня быть так тяжело, как когда-нибудь разлучиться с тобой».[19] Эта мысль Златоуста о вечности духовного брачного союза подтверждается и его размышлениями о том, по какой причине вдовам не следует вступать во второй брак: ведь тогда они не сохранят верности своему умершему мужу, разлука с которым для них лишь временная. Христианских супругов ожидает встреча в жизни Будущего века, и этой встречи вдове следует дожидаться. «Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего?... Всего лучше – ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большее благоволение от Бога».[20] Подобные же идеи мы обнаруживаем и в сочинениях другого древнего Отца Церкви – святителя Григория Нисского. Святитель Григорий с восхищением приводит яркий пример именно такой посмертной супружеской верности. У его сестры, которую звали Макрина, погиб жених, которому она была обручена. После смерти суженого Макрина приняла твердое решение остаться верной ему на всю жизнь – и это несмотря на то, что, строго говоря, они еще даже не были соединены узами Таинства Брака. Родители Макрины желали, чтобы она все же вышла замуж. Однако она не соглашалась на это и отвечала, что «немыслимо и преступно не чтить святости единожды благословленного отцом Брака и по принуждению помышлять о другом, в то время как в природе человека только один брак, как рождение одно и одна смерть. Она настойчиво повторяла, что обрученный с ней по воле родителей не умер, но его, «живущего у Бога» (ср. Рим.6:10) в надежде воскресения, следует считать отлучившимся из дома, а не мертвым, и что немыслимо было бы не хранить верности уехавшему жениху».[21]

При осмыслении самого образа брачных отношений в жизни будущего века следует припомнить евангельский отрывок, где саддукеи приступают ко Христу и спрашивают Его про семь братьев и их жену: все они по очереди умерли, и эта женщина успела побывать женой каждого из братьев. Саддукеи спрашивают Христа: «А чьей же женой она окажется после всеобщего воскресения из мертвых?». Христос им на это отвечает: «... в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи на небесах» (Мф.22:30). Из этих слов Спасителя легко сделать вывод о том, что в Царствии Небесном Браки упразднятся вообще. Однако здесь следует иметь в виду вот что: для понимания подлинного смысла этой фразы Христа важно отдавать себе отчет в том, с представителями какой идеологии ведет Свой разговор Господь. Христос беседует с саддукеями, которые вообще не верили в воскресение мертвых: их вопрос был провокационным, причем они противопоставляют свои убеждения вполне определенному учению о воскресении – учению фарисейскому, тем самым отождествляя Христа с фарисеями. Саддукеям было известно о том, что Христос был во многом близок по Своему учению к богословию фарисеев. Он говорил, что фарисеев следует слушать, но по их делам поступать не следует. Однако, как мы с вами знаем, Господь далеко не во всем согласен и с учением фарисеев. Следует помнить, что многое в их учении было воспринято фарисеями отнюдь не из древнего Священного Писания, не из Закона и Пророков, но из поздних и весьма примитивных так называемых «преданий старцев». Позаимствовали они из «преданий старцев» и некоторые особенности своего учения о всеобщем воскресении мертвых. По фарисейскому учению, после воскресения из мертвых

будет точно такая же жизнь, как и у нас с вами: просто она будет вечно, бесконечно тянуться. Люди, точно также, как и сегодня, будут жениться, рожать детей, бесконечно пировать, евреи будут властвовать над всеми другими народами, поскольку они – богоизбранный народ, и так далее... Господь конечно же такого учения принять не может и его опровергает. Произносятся слова о том, что «*в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи на небесах*» (Мф.22:30), Христос как бы возражает саддукеям следующим образом: вот вы не верите в воскресение мертвых, но оно совершится. Однако будет оно отнюдь не таким, как учат фарисеи. Да, люди воскреснут в своих телах. Но в будущем веке уже не сохранится физического общения супругов, не будет рождения детей, а будет жизнь, подобная ангельской. То есть Христос не отрицает бытия Брака в жизни будущего века как такового, Он отрицает лишь его физическую составляющую, говорит о том, что в Царствии Небесном больше не будет плотских супружеских отношений. Как поясняет значение этих слов Спасителя Климент Александрийский. «Господь ни в коей мере не осуждает здесь брак, но «излечивает» некоторых от ожидания телесных наслаждений после воскресения».^[22]

Тем самым, именно Брак – конечно же в его духовной, а не плотской сути – есть эсхатологический идеал непреходящего и теснейшего союза людей со Христом и во Христе. Как мы с вами знаем, Брак, по апостолу Павлу, – икона союза Христа и Его Супруги Церкви. И как вечна Невеста Агнца – Его Церковь, точно так же будет вечен и святой образ этого союза: нерасторжимый богодарованный Брак двух любящих христиан. Оппозиция же Брака и девства, существующая в падшем мире из-за того, что Брак по своей плотской составляющей привязывает человека к страстям и миру, в эсхатологической реальности новых Неба и Земли полностью уйдет, исчезнет.

По воскресении из мертвых тело человека изменится настолько, что для страстных физических супружеских отношений в новом бытии попросту не останется места. Тогда уже не будет нынешнего мира и его страстей, а значит, исчезнет и то, что прежде принижало Брак перед высотами целомудренного девства, внося в него начала похоти и власти плоти над духом. Именно поэтому в горнем Иерусалиме будут неизменно сопребывать одинаковые по-своему равноангельному достоинству и «брачное девство» целомудренно прожившего свою жизнь на земле и тем уневестившегося Спасителю христианина, и «девственный Брак» православных супругов. Причем этот девственный Брак должен осуществиться именно как продолжающееся, но в то же время и преображенное, духовное единство супругов во Христе: как то непреходящее единство любви, что было им некогда даровано в земной Церкви как Таинство Брака. Именно это и позволяет Православной Церкви при совершении Таинства Брака обращаться к Богу с молением: «восприми венцы их в Царствии Твоем нескверны, и непорочны, и ненаветны соблюдай во веки веков».

Ради чего в мире был установлен Богом Брак? Мы помним по первым главам книги Бытия, что Господь творит Еву по вполне определенной причине: потому что Адаму недостает «помощника». Здесь говорится: «... *не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему*» (Быт.2:18). Что означает здесь слово «помощник»? Помощник в труде, может быть? Но тогда, наверное, Богу проще было бы сотворить второго мужчину: для корчевания пней в Эдемском саду, для прополки эдемских грядок и так далее – крепкий мужчина гораздо лучше подойдет для физического труда, чем женщина. Но Господь творит нечто совершенно иное, новое: Он творит Адаму жену. С еврейского языка эту фразу книги Бытия дословно следовало бы перевести скорее так: «Сотворим ему восполняющего, который был бы перед ним». Тем самым речь идет не о восполнении в труде, а о восполнении в бытии. Действительно, именно такого мистического единения, такой подлинной духовной и физической полноты двух любящих друг друга существ как раз и недоставало новосотворенному человеку.

Но Творец не только создал жену: Он привел ее к Адаму. И это благословение Божье, совершившееся в Эдеме, и стало началом бытия Таинства Брака. Адама и Еву в Раю, по свидетельству Господа Иисуса Христа, сочетал Сам Бог (см. Мф.19:6).

Новозаветное основание учения о Браке мы находим не только в Евангелии, но и в апостольских Посланиях. Особое значение здесь имеют те мысли о богословии Брака, что содержатся в Послании апостола Павла к Ефессянам. Именно этот фрагмент читается в церквах при совершении Таинства Брака. Вот этот отрывок из апостольского Послания к Ефессянам: *«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив баней водной посредством слова; чтобы представить ее Себе славной Церковью, не имеющей пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа»* (Еф.5:22–33).

Помимо всего прочего, в этом отрывке из Послания к Ефессянам мы обнаруживаем максимально сильное выражение мысли о предельном метафизическом единстве супругов: *«любящий свою жену любит самого себя»* (Еф.5:28). Здесь апостол Павел развивает истину, выраженную еще в евангельском речении Христа: супруги *«уже не двое, но одна плоть»* (Мф.19:6). Идея эта оказалась очень близка и древним Отцам и учителям Церкви, которые многократно говорят о том же самом. «Брак бывает тогда, когда Бог соединяет двоих в одну плоть», – свидетельствует Тертуллиан.^[23] Святитель Иоанн Златоуст, который среди всех древних Отцов Церкви создал, быть может, самое глубокое, самое возвышенное учение о Браке, пишет: «Тот, кто не соединен узами брака, не представляет собой целого, а лишь половину. Мужчина и женщина в браке не два человека, а один человек».^[24] «Любовь такова, – добавляет в другом месте святитель Иоанн, – что любящие составляют уже не два, а одного человека, чего не может сотворить ничто, кроме любви».^[25]

Говоря о Таинстве Брака как о духовном единении мужа и жены во Христе, нельзя не упомянуть и о его важнейшем ветхозаветном прообразе. В Библии, помимо многих других ее частей, находится и поэтичная, загадочная по смыслу книга – «Песнь песней». По своей литературной форме «Песнь Песней» – очень яркая любовная поэма, возвышенная любовная лирика. Но если ее читать лишь в этом значении, пусть и восхищаясь совершенством поэтического слога, красотой художественных образов, можно не заметить самого главного: «Песнь Песней» – это не просто повествование о двух влюбленных друг в друга людях (хотя и о них тоже), это повесть о духовном брачном союзе Бога и человека. В древнем ветхозаветном Израиле этот священный текст понимался и истолковывался двояко: как история взаимоотношений Господа и богоизбранного еврейского народа и как символ любовного союза Бога и человеческой души. В сегодняшней новозаветной традиции «Песнь Песней» воспринимается как пророческий, прообразовательный текст, предрекающий явление – вместе с Воплощением Сына Божьего – нового брачного союза Христа и всей полноты Его Церкви, или же истолковывается как символ духовного Брака Христа и человеческой души. Здесь Христос – это Жених, а Церковь или душа – Его невеста.

Такой духовный союз Христа и души может быть осуществлен и в Таинстве Брака, и в монашеском житии. Как уже говорилось, по мысли древних православных подвижников, монаху, аскету надлежит «уневеститься» Христу: его душа должна стать Христовой

невестой. Вот что говорит о путях духовного мистического Брака аскета со Христом преподобный Макарий Египетский: «Как небо и землю сотворил Господь для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселиться и упокоеваться в теле его, как в доме Своем, имея прекрасной невестой возлюбленную душу, сотворенную по образу Его».[26] Итак, душа человеческая – это невеста Христова.

Как говорит святитель Иоанн Златоуст, семья, «дом – малая церковь»[27], «Брак есть таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви... и с ней соединился духовным общением».[28] Такая брачная символика отношений Христа и Его Церкви очень значима и для новозаветного Откровения, и для святоотеческого Предания. Основание подобного символического параллелизма христианского Брака с союзом Христа и Его Церкви мы находим все в том же Послании апостола Павла к Ефесянам: «... муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф.5:23). Из этих слов Апостола Святые Отцы делают целый ряд важных как богословских, так и нравственных выводов. Святитель Григорий Богослов говорит о том, что во всяком Браке почитается Христос – в муже, и Церковь – в жене.[29] А учитель Церкви Климент Александрийский на основании все того же учения святого апостола Павла о Браке дает свое неожиданное толкование известных евангельских слов Христа: «... где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20). Обычно эти слова относятся толкователями лишь к области православной эклесиологии – учения о Церкви. Но поскольку семья – это тоже малая церковь, Климент связывает эти слова Христа и с богословием Таинства Брака. Он говорит: «Кто есть те двое или трое, собравшиеся во имя Христа с Господом среди них? Не указывает ли это на мужа, жену и их ребенка? Жена при этом соединена с мужем Самим Богом».[30] Таким образом, по мысли древнего учителя Церкви, именно христианское брачное единство является областью особого благодатного и деятельного присутствия Спасителя, союза Бога и человека, местом подлинной встречи Творца и Его творения.

Одной из важнейших сторон брачной жизни мужчины и женщины является рождение детей – как следствие их физического супружеского общения. Следует помнить, что и рождение детей, и само это физическое общение православных супругов рассматривается Церковью (разумеется, только в Браке венчанном) как благо, как доброе дело. Мы знаем, что само Евангельское Откровение утверждает, что рождение человека – это великая радость (ср. Ин.16:21). И это позволяет Клименту Александрийскому сказать: «Рождение, которым стоит мир, свято».[31]

Но зададимся вопросом: а существовало ли бы в мире рождение детей, если бы Адам и Ева не пали первородным грехом, если бы не совершилось грехопадение человека? Появлялись ли бы на земле новые люди кроме них, или человеческий род ограничился бы этой первой парой – Адамом и Евой? Из библейского рассказа вы, наверное, помните о том, что Бог дает заповедь первым людям: «... плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт.1:28) – еще до вкушения ими плода от Древа познания добра и зла, до грехопадения. И это позволяет Святым Отцам утверждать, что человеческий род умножался бы, даже если бы человек и не впал в грех. Другое дело, что совсем иным оказался бы сам образ, способ умножения человеческого рода. Каким? Этому мы не знаем, поскольку человек так и не успел родить себе потомство до момента грехопадения. Святитель Иоанн Златоуст считает, что это могло бы совершаться творческой силой слова Божьего, изрекаемого ради рождения каждого нового человека.[32] Блаженный Августин, напротив, даже допускает мысль о том, что и зачатие, и рождение людей вне грехопадения совершалось бы точно тем же физическим способом, как совершается и ныне. Однако супруги влеклись бы друг к другу не страстным порывом, а сочетались бы свободно от похоти и греха – бесстрастным, безгрешным образом, лишь по мановению их согласной воли. Тем самым, по мысли Августина, эту безгрешную человеческую природу направляла бы в супружеском общении отнюдь не похоть, а лишь «воление спокойной

любви».[33] Так или иначе, но Отцы согласно утверждают: человеческий род умножался бы вне зависимости от преступления Адама. По мысли святителя Иоанна Златоуста, последствием греха скорее могло бы быть прекращение рождений, а не появление самого рождения детей. И если данный человеку Богом дар рождения детей сохранился и после грехопадения, то лишь потому, что благословение на рождение было дано Богом еще до грехопадения, а обетования Божьи пребывают непреложно. Если уж Бог дает благословение, Он его не отнимает. Изменился лишь образ появления на свет новых людей, детей: жена рождает в болезнях, в страданиях, в мучениях. Златоуст пишет: «Бог не налагает проклятия на жену, чтобы она не рождала, потому что раньше благословил ее». И дальше – как бы от лица Божьего – святитель Иоанн говорит: «Я не лишаю тебя способности рождения, так как навсегда дал тебе благословение, но ты будешь рождать в болезнях, в страданиях».[34] Как вы видите, после грехопадения человека изменился только сам образ его рождения.

Даже само Крещение человека сравнивается Святыми Отцами с физическим рождением. Как вы понимаете, Церковь вряд ли стала бы сравнивать Крещение с чем-то постыдным. «Церковь имеет во чреве крещаемых», – говорит священномученик Мефодий Патарский.[35] Таким образом, уже само приготовление человека к Крещению, оглашение, сравнивается им с чревоношением матерью младенца, а погружение в крещальную купель и восстание из нее – с моментом разрешения роженицы от бремени. Климент Александрийский также весьма возвышенно именуется рождение «таинством творения».[36] Здесь перед нами новая, неожиданная и очень важная мысль древних Святых Отцов и учителей Церкви: само зачатие, рождение ребенка является одной из сторон реализации заложенной в человеке образа Божьего как нашей способности к творчеству. Бог – творец, и человек должен – по образу Божьему – творить. Правда, наше существенное отличие от того творчества, на которое способен Сам Господь, заключается в ограниченности самой степени нашего творческого дерзновения и дара. Ведь Бог творит «из ничего», из «несущих», а человек всегда творит новые вещи из окружающего нас изначально сотворенного Богом еще при создании мира «подручного» материала, вещества. Как это ни удивительно, именно зачатие мужчиной и женщиной новой жизни, само рождение, помимо других видов людского творчества, зачастую сравнивается древними Святыми Отцами с уподоблением человека творческой деятельности Божества. Мефодий Олимпийский говорит, что через зачатие, через рождение родители оказываются причастны творческой силе Божества, становятся соучастниками в деле сотворения Богом новой человеческой жизни.[37] Итак, в зачатии младенца, в его рождении реализуется высочайшее право человека на творчество, его богообразность – как существа, созданного по образу Бога и Творца, Первохудожника вселенной. Как вы помните, в нашем Символе веры говорится о том, что мы исповедуем Бога как «Творца небу и земли». В греческом оригинале здесь стоит слово «ποίητής» («пойетес»), означающее не только понятие «творец», но и понятие «поэт», «стихотворец», «сочинитель». Таким образом, Бог – «Поэт» неба и земли, их «Сочинитель», создающий мир по присущему Ему величайшему художественному вдохновению. Подобное же «художническое» творчество – но уже богообразное творчество человеческое – реализуется в рождении детей, являясь при этом благим и богоустановленным, благословленным Церковью в Таинстве Брака. Это творчество одновременно есть и синергия, сотворчество человека со своим Создателем, направленное на рождение детей, – в том числе и как на совершенствование, преобразование нашего мира, созидание новой реальности иных человеческих жизней в окружающем нас разнообразии тварного бытия. По слову Климента Александрийского, «подобает вступать в брак и ради отечества, и ради оставления детей, и ради совершенствования мира, сколько это зависит от нас».[38]

Наконец, мы можем вспомнить и о том, что Спасение окажется доступным лишь для тех, кто сами уподобятся детям: «... истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете

как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3). Но задумайтесь: если бы рядом с нами не было детей, нам бы вообще нельзя было выяснить, понять, как нужно спастись, нам бы не с кого было брать пример. Чтобы иметь образец для Спасения, нужно этот «образец» сначала родить, а затем уже ему уподобляться.

Но при этом следует всегда помнить и о том, что Брак не имеет своей единственной целью деторождение. Скажем, для древнего – ветхозаветного или античного – человека, если в браке не рождались дети, этот брак представлялся бесполезным, ненужным, не достигшим своей основной цели. В православной же традиции цель Брака реализуется уже в самом браке, в самом совершающемся духовном союзе любящих. Высшая цель Брака – совсем не в размножении. И даже если Господь детей человеку не дал, это отнюдь не означает, что благодать в заключенном Браке не подействовала. И такой Брак также совершается во Христе как благой – как святой, как благодарованный.

По слову Святых Отцов, которое мы от них слышим неоднократно, в Браке, как и в других православных Таинствах, дарах, священнодействиях, реализуется (помимо цели деторождения) призвание человека к обожению. К такому обожению мы движемся в Церкви разными путями, и существуют различные, данные нам Христом, средства и способы его достижения. Одним из этих важнейших путей облагодатствования христианина, как мы с вами понимаем, является и Таинство Брака. Как говорит Златоуст, «в Браке души соединяются с Богом неизреченным неким союзом». [39] Как я уже отмечал ранее, в Браке всегда три лица: муж, жена и соединяющий их Бог. Здесь осуществляется вышечелочное единство даже не двух, а трех любящих, один из которых – Сам Христос. И вот здесь обнаруживается еще одна богословская «неожиданность», возводящая в наших глазах христианский Брак на поистине неизмеримую высоту: Брак – это вышечелочное единство, уподобляющее нас единству Лиц Пресвятой Троицы. Здесь, в этом надъестественном, сверхъестественном союзе мужа и жены, благодарованном, богоблагодатном Браке, отражается, приоткрывается сам образ бытия Лиц Святой Троицы, Ее внутритроичных отношений. Святитель Феофил Антиохийский, древний писатель, который, кстати говоря, первым из Святых Отцов использовал само слово «Троица» (это богословское понятие не библейское, а святоотеческое), пишет: «Бог, чтобы показать таинство единства Божьего, вместе сотворил жену и Адама для того, чтобы между ними была бóльшая любовь». [40] Мы видим: по мысли святителя Феофила, Бог сотворил не одного человека, а двух людей, соединив их при этом в мистическом брачном союзе, еще и для того, чтобы показать тайну единства Божьего, реализующегося в таинственном взаимообщении любви Отца, Сына и Святого Духа. Бог един и одновременно троичен – и эту тайну хотя бы немного может нам помочь понять брачное единство двух христианских супругов, богообразно отражающее в себе предвечную Тайну Божественного вышечелочного тройческого единения любви. О том же говорит и святитель Иоанн Златоуст: «Когда муж и жена соединяются в Браке, они не являются образом чего-то неодушевленного, или чего-то земного, но образом самого Бога», Бога Троицы. [41]

Теперь кратко обратимся к пониманию значения брака в ветхозаветном иудействе и в античной традиции.

Ветхозаветное иудейское мышление видело сущность и цель брака в продолжении рода. Отсутствие детей в еврейских семьях рассматривалось как тяжелейшее Божье проклятие. По словам известного патролога и литургиста протопресвитера Иоанна Мейендорфа, «этот взгляд, ярко выраженный в Ветхом Завете, непосредственно связан с отсутствием в раннем иудаизме ясного представления о посмертном существовании. В лучшем случае человек мог надеяться на призрачное прозябание в так называемом Шеоле (что лишь очень неточно переводится как «ад»)… Но обетование, данное Аврааму (о бесчисленном умножении его потомства. – П.М.), предполагало, что жизнь может стать вечной через потомство, и, следовательно, подчеркивало первенствующее значение деторождения в

браке».[42] Именно поэтому в ветхозаветном законодательстве и возникает известный вам по евангельской истории (в Новом Завете он связан с проблемой согласования родословий Христа по Матфею и Луке) закон «левирата» или «ужичества».

В античной римской юридической традиции брак понимался как свободный договор между мужчиной и женщиной, как контракт, который заключался перед лицом государства. Интересно отметить, что до какой-то степени это восприятие – брак как взаимный договор, контракт вступающих в него сторон – сохранилось в католической церкви и до сегодняшнего дня. Только там договор заключается уже не как в языческом Риме – перед лицом государства; теперь он заключается перед лицом Божиим. Все Таинства, за исключением одного, у католиков понимаются как совершаемые представляющим Христа священнослужителем. А вот это Таинство, Таинство Брака – нет. В католических семинариях есть даже такой экзаменационный вопрос «на засыпку»: какое Таинство не сможет совершить даже римский папа? Правильный ответ здесь, оказывается: Таинство Брака. Потому что по католическому учению Таинство Брака совершает не священник, и даже не Бог, а сами брачующиеся. То есть именно вступающие в Брак люди являются совершителями этого Таинства. По определению современного «Катехизиса Католической церкви», «сами супруги как служители благодати Христовой взаимно даруют друг другу Таинство Брака, выражая перед Церковью свое согласие».[43] Священник же здесь – лишь свидетель законности их союза (по формулировке того же католического Катехизиса – «ассистирующий при совершении Брака»[44]), как бы представляющий сторону Бога «юрист». И запрет на разводы в католической церкви опять же связан именно с тем, что этот юридический контракт заключен не в государственных структурах, а перед лицом Божиим, а потому и не может быть опротестован никакими человеческими способами, никакими земными юридическими органами. Таков оригинальный юридический подход к Таинству Брака в католической церкви, унаследованный ею еще от античного языческого восприятия брака.

Для Православия идея развода также неприемлема, как и для католиков. Однако у православных здесь совсем иная мотивация: Брак заключается навечно, и совершается он действием Божьей благодати, изменяющей само существо вступающих в супружество людей, пересозидая любящих, соединяя их в новое нерасторжимое единство. Но ведь, скажете вы, разводы бывают и в Православии... Следует помнить, что эти разводы происходят прежде всего по причине преступления супружеских обетов. В этом смысле нельзя сказать: Православная Церковь совершает, осуществляет развод. Она лишь свидетельствует: освящающей Божественной благодати в этом браке уже нет, ибо благодать не может сосуществовать со злом, с прегрешением, с преступлением против Бога и Его даров. Нам хорошо известен важнейший евангельский принцип: «... *что Бог сочетал, того человек да не разлучает*» (Мф.19:6). Но когда супруг или супруга нарушают свои брачные обеты вечной верности друг другу, они тем самым уже лишаются Божественной благодати, сила Божья от них отстывает, вернее сказать – они сами ее от себя отталкивают своим преступлением. И тогда Церковь констатирует: этого Брака уже больше нет.

Не приветствует Православная Церковь и совершаемые после развода вторые браки. Как говорит Господь Иисус Христос, *«всякий, разводящийся с женой своей и женящийся на другой, прелюбодействует; и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует»* (Лк.16:18).

Браки, совершаемые после смерти одного из супругов, также допускаются Церковью лишь вследствие человеческой слабости плоти. Как говорит апостол Павел, *«вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак: ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»* (1Кор.7:8–9). Как я уже говорил ранее, мы с вами должны помнить: даже если один из супругов умер, второго

брака все равно быть не должно; ведь смерть – это лишь временная разлука, которая будет преодолена в посмертном воссоединении мужа и жены.

По мысли святителя Григория Богослова, единственность и неповторимость Брака зиждется все на том же утверждении Послания к Ефесянам: муж есть образ Христа, равно как и невеста – икона Церкви (ср. Еф.5:22–33). Как пишет Святитель, сначала цитируя, а затем комментируя апостола Павла, «*Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви*» (Еф.5:32)... Мне кажется, что здесь Слово Божье не одобряет двоеженства; ибо если два Христа, то и два мужа, две и жены; а если один Христос, одна Глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да будет отвергнута».[45] Тем самым, по убеждению святителя Григория, сказанное здесь Апостолом несовместимо с самой идеей второго брака. Ведь как Христос есть единственный Жених Церкви, так и муж – как образ Христов – у соединенной с ним Таинством Брака жены может быть только один. И как Церковь – одна, и нет в мире никакой другой истинной Церкви, так и ее икона – жена должна быть у мужа единственной.

Тем самым православная традиция не одобряет (хотя и допускает) вторые браки; по древним церковным канонам вступающие во вторые браки отлучались на несколько лет от Причастия. О смысле снисходительного допущения Православной Церковью вторых браков святитель Епифаний Кипрский пишет так: «Тот, кто не может хранить целомудрие после смерти первой своей жены, или кто развелся со своей женой на таких достаточных основаниях, как блуд, прелюбодейство или другое злодеяние, если он берет другую жену, или если жена выходит за другого замуж, божественное Слово не осуждает его, не отлучает от Церкви или жизни; Церковь терпимо относится к этому вследствие его слабости».[46]

Церковь всегда строго осуждала тех христиан, которые из-за своего неумеренного аскетизма не только не вступали в Брак, но и гнушались им, осуждали пребывавших в супружестве людей, превозносились над ними. На состоявшемся в середине IV столетия поместном Гангрском соборе, решения которого затем оказались восприняты уже всей полнотой Православной Церкви, были утверждены специальные правила против тех, кто в горделивом самопревозношении гнушались браком, а также вкушением мясной пищи. (Кстати говоря, правила этого собора – важный канонический аргумент против тех людей, кто, считая себя православными, в то же время являются принципиальными вегетарианцами.) Собор определяет: «Если кто порицает брак... да будет под клятвой. Если кто девствует (то есть ведет девственную жизнь. – П.М.) или воздерживается, удаляясь от брака, как гнушающийся им, а не ради самой доброты и святости девства, да будет под клятвой. Если кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетающимися, да будет под клятвой. Если какая-либо жена оставит мужа и захочет уйти, гнушаясь браком, да будет под клятвой».[47] Все эти клятвы, то есть проклятия, означают фактическое лишение преступающих каноны собора христиан возможности церковного общения.

Мы довольно часто слышим такое словосочетание: «смешанный брак». Что же это такое? Смешанные браки заключаются между представителями различных конфессий. Мы оставляем в стороне вопрос о том, возможны ли браки, например, между православными и буддистами или между православными и мусульманами: тут даже и рассуждать не о чем. Зададимся другим вопросом: а возможны ли браки между представителями разных христианских исповеданий: например, между протестантом и православной или между православным и католичкой? В современной практике церковные браки между православными и инославными христианами иногда заключаются (при условии, что рожденные в этих браках дети будут воспитаны в православной вере); однако, мы все же вправе задать вопрос: а нормально ли это? Строго говоря, в соответствии с православным учением о Таинствах (равно как и в соответствии с запрещающими смешанные браки канонами Лаодикийского,

Карфагенского, IV и VI Вселенских соборов), такие союзы вообще невозможны. Почему? Хотя бы потому, что Таинство Брака по своему духовному смыслу неразрывно связано с Таинством Евхаристии, с возможностью совместного Причащения супругов. Без единения через Евхаристию никакого христианского Брака не может быть вообще. Следует знать, что в древней Церкви Таинство Брака совершалось совсем иным образом, чем это мы наблюдаем сегодня в наших православных храмах: оно осуществлялось через совместное Причащение вступающих в Брак из одной Евхаристической Чаши, сопровождаемое благословением епископа. Отдельный же чин Таинства Брака возник не раньше IV века. Для древних христиан даже нельзя было помыслить, чтобы в браке соединились православная девушка и, например, какой-нибудь еретик-гностики: ведь попросту не существовало способа для того, чтобы этот брак заключить, – не допускать же еретика к православной Евхаристии.

Ну а как же тогда слова апостола Павла о том, что *«неверующий муж освящается женой верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим»* (1Кор.7:14)? Не относятся ли они именно к таким смешанным бракам? Нет, не относятся. Речь у апостола Павла здесь идет совсем о другой жизненной ситуации. Представьте себе, например, такую семью: невенчанная и, более того, даже некрещенная жена и муж многие годы живут в гражданском браке. Потом один из них становится православным христианином. Он крестится, и перед ним встает вопрос: «А что же делать дальше? Я верю во Христа, а моя жена – нет. Может быть, нам развестись? Но я люблю мою жену, я дал ей обещание – пусть лишь и перед лицом государства – быть рядом с ней до смерти». А неверующая супруга обращаться в Православие не хочет. Она говорит мужу: «Зачем мне твоя Церковь? Мне это все неинтересно. Но я тебе не мешаю: тебе это нравится, значит, и ходи в свою церковь, молись на здоровье». Именно к подобной ситуации и относятся слова апостола Павла, во времена которого очень часто лишь один из супругов обращался ко Христу из язычества, а второй продолжал поклоняться своим римским богам. Сегодня, как и во времена апостольские, такая ситуация не воспринимается Церковью как блуд, а рассматривается как брак – добрый, благословляемый Богом. Другое дело, что это не отменяет стоящей перед попавшими в подобную ситуацию христианами задачи: упорно стремиться привести свою неверующую супругу (или супруга) к Православной истине. А вот изначально православный человек ни при каких условиях не может стремиться к Браку с атеисткой или с инославной: сначала приведи ее в Церковь, приобщи ее к чистоте православного исповедания, а затем уже на ней женись, – это принципиальная позиция нашей Церкви.

Церковная традиция издревле проводила грань между Браком как христианским Таинством и браком как внецерковным, мирским брачным союзом, заключаемым между не принадлежащими к Церкви людьми.

По словам русского догматиста митрополита Макария (Булгакова), «брак можно рассматривать с двух сторон: как закон природы или установление Божье, и как Таинство Новозаветной Церкви, освящающее ныне, по падении человека, этот закон».[\[48\]](#)

С грехопадением человека древний райский богодарованный закон Брака утратил свое изначальное благодатное наполнение, сохранившись лишь как закон поврежденного грехом, а значит, страстного, человеческого естества. Но даже и такой внецерковный брачный союз именуется церковной традицией браком, причем отчасти даже в положительном смысле; при этом брак здесь понимается как некая добрая узда для стремлений человеческой плоти. Действительно, этот союз способен ограничивать людское страстное начало, вводить это начало в русло некоторой телесной умеренности. Преодоление неумеренных страстных устремлений плоти издревле воспринимается христианской традицией как одно из важнейших условий возможности Спасения человека. По яркому высказыванию Климента Александрийского, «каждый

невоздержанный мертв перед Богом; оставленный Логосом и Святым Духом, он – труп».[49]

Однако церковная традиция настойчиво говорит при этом о временности, преходящести и несовершенстве таких внецерковных браков.

Но все же и подобный брак реализует в себе некоторую частицу изначального божественного брачного задания человеку: *«плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею»* (Быт.1:28).

Тем самым, с одной стороны, внецерковный брачный союз (разумеется, если в него вступают не люди крещеные, а пребывающие вне Церкви; для крещеных людей невенчаный брак – это попросту блуд) может рассматриваться Церковью как благое средство к продолжению рода и оцениваться как добрый союз любящих друг друга и верных друг другу людей; но, с другой стороны, подобный союз конечно же не является сакраментальным, благодатным, освящающим людей. Такой брак не есть Таинство.

2. История и чинопоследование Таинства Брака

В древней Церкви чинопоследование Таинства Брака формировалось постепенно, продолжая складываться вплоть до XVI века. Поначалу вступавшие в Брак просто приступали к Евхаристии, совместно причащались Святых Христовых Тайн и получали епископское благословение на семейную жизнь. Вместе с тем, христиане уже тогда отмечали брачное торжество очень празднично, восприняв и усвоив при этом многие языческие брачные традиции – венки на головах жениха и невесты, украшение брачного чертога цветами; однако в Церкви все эти обычаи наполнились христианским символическим содержанием. В IV–V столетиях в Церкви уже начало формироваться независимое от чинопоследования Литургии отдельное чинопоследование Таинства Брака, за которым венчающиеся по-прежнему, как и в первые века бытия Церкви, причащались (хотя уже и запасными) Святыми Дарами. Никаких других литургийных особенностей, кроме самого Причастия (сохранявшегося в практике Венчания вплоть до XVI столетия), у чина в те времена не было. Литургийные же черты начинают появляться в чинопоследовании Таинства Брака лишь с XI века, что в конечном итоге привело к появлению в греческой богослужебной традиции восходящих к XVIII столетию так называемых «Венчальных Литургий», в которых чинопоследование Таинства Брака присоединяется к чинопоследованию Евхаристии. Мы видим, что для древних христиан Таинство Брака никогда не мыслилось в отрыве от важнейшей стороны церковной жизни – дарующего единство со Христом Причастия Его Тела и Крови. Именно Причастие является тем твердым основанием, на котором и зиждется брачное единство православных супругов.

Теперь кратко рассмотрим чины Обручения и Венчания.

Если мы откроем Требник, где содержится текст богослужения Таинства Брака, то увидим, что здесь находятся отдельные чинопоследования Обручения и Венчания. Поначалу в древней Церкви существовала именно такая практика: Обручение могло отделяться от Венчания довольно большим промежутком времени. Потом эти обряды стали совершать вместе: один вслед за другим.

Обручение по уставу полагается совершать в притворе храма. При переходе же собственно к Венчанию жених и невеста вступают уже в основное храмовое пространство, приближаясь к алтарю.

Обручение представляет собой скрепление перед Богом и Церковью взаимных обещаний вступающих в Брак православных христиан. Обручению предшествует благословение родителей и духовного отца. Видимым знаком утверждения этого союза в единомыслии, мире и любви служит вручение жениху и невесте колец – при молитве священника о небесном благословении этого обручения.

Интересно отметить, что кольца жениха и невесты традиционно по своему внешнему виду могут друг от друга отличаться. Так, кольцо мужа должно быть золотым, а кольцо невесты – серебряным. Однако, поскольку жених и невеста при обручении символично меняются кольцами, жена всю жизнь будет носить кольцо мужа, то есть золотое, а мужчина всю жизнь будет ходить с серебряным колечком – кольцом, врученным ему при обручении женой. Правда, сегодня этот обычай мало кем соблюдается.

Обручению издревле придавалось большое духовное значение. Вот слова из древней церковной епископской молитвы на Обручение: «Благослови, Господи, кольцо это... ибо как оно венчает палец человека... так и благодать Святого Духа пусть окружает жениха и невесту, чтобы они видели сыновей и дочерей до третьего и четвертого рода, которые да восхвалят имя Твое». Как вы видите, кольцо здесь символизирует благодать Святого Духа, обнимающую собой всего человека, сохраняющую его добрый супружеский союз во Христе. После XI века в Византии Обручение начали совершать одновременно с Венчанием.

Перед началом Обручения жених и невеста стоят отдельно друг от друга – в правой и левой сторонах притвора. Кольца обручающихся лежат на престоле, чтобы Господь Своей силой освятил их в алтаре.

Обручение начинается изнесением из алтаря на середину храма креста и Евангелия, полагаемых священником на аналое. В притворе священник подводит жениха к невесте и, соединив руку жениха с рукой невесты, ставит их вместе, уже рядом, на середину притвора, где и происходит чин Обручения. При этом положено совершать каждение; правда, сегодня во многих храмах этого не делается. Каждение здесь символизирует присутствие благодати Святого Духа. Священник, в соответствии с указанием Требника, трижды «назнаменует главы новоневестных», дает им зажженные свечи и кадит жениха и невесту. Это благословение священника полагает начало утверждению обетов, даваемых друг другу женихом и невестой. Горящие свечи новобрачных означают духовное сияние того целомудренного девства, с которым они вступают в Брак, а также являют свет осеняющей их Божественной благодати. Символизируют свечи и пламенеющую молитву обручающихся, с которой они предстоит пред Богом.

Обручение начинается возгласом «Благословен Бог наш ...». Как уже говорилось ранее, Обручение – это отдельная от Венчания служба. Венчание будет начинаться уже другим, так называемым «литургийным» возгласом – «Благословенно Царство ...». Следом за начальным возгласом произносится «мирная», или «великая», ектеня. В ней для обручающихся испрашивается Спасение, ниспослание помощи Божьей, совершенной любви. Церковь молится о сохранении их в единомыслии и твердой вере, о даровании Браку «чести», а супружескому ложу – «неоскверненности».

Следом за ектеньей произносятся две небольшие молитвы. В них священник просит Бога наставить обручаемых на всякое дело благое, благословить их, сохранить в мире и единомыслии. Молитвы начинаются словами: «Боже вечный, разстоящихся собравый в соединении ...» и «Господи Боже наш, от язык предобручивый Церковь деу чистую ...».

Затем следует вручение обручающимся принесенных с престола колец. Тем самым выражается упование Церкви на непрерывность союза жениха и невесты, осуществляемого силой Божественной благодати.

Давайте проследим по тексту Требника, как же происходит Обручение. Священник трижды назнаменует кольцом жены главу жениха со словами: «Обручается раб Божий (такой-то) рабе Божьей (такой-то), во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь». Затем кольцом жениха он с подобными же словами назнаменует главу невесты. Потом происходит обмен кольцами. По Требнику обмен должен производить не священник и даже не обручающиеся, а восприемник – человек, выступающий от лица родителей, как их полномочный представитель. Обмен кольцами, в частности, свидетельствует и о том,

что на союз обручающихся есть также согласие и их родителей. В конечном итоге перстень жениха оказывается у невесты, а перстень невесты у жениха.

Затем следует большая молитва о благословении десницы рабов Божьих на благоую жизнь и добрые дела, в которой также заключена мысль о том, что устроителем Брака является Сам Господь: она начинается словами: «Господи Боже наш, отроку патриарха Авраама шествовавший в средоречии ...». Потом произносится «сугубая» ектеня. В ее прошениях выражается связь новообрученных со страной, с патриархом, с клиром и всеми православными христианами: связь именно в этом их новом обручальном единстве. Затем, уже после отпуска, начинается само Венчание.

Жених и невеста входят со свечами в главную часть храма, впереди идет священник с кадиллом, звучит 127-й псалом с припевом: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». На середине храма священник ставит жениха и невесту перед аналоем. На аналое уже лежат крест и Евангелие. Жених и невеста становятся на разостланном на полу полотенце из белой материи, которое называется «подножка». Есть такое народное суеверие: кто первый на него успеет встать, тот и будет верховодить в дальнейшей семейной жизни. Некоторые венчающиеся об этой примете явно знают и на пути к «подножке» развивают прямо-таки спринтерскую скорость. По моим наблюдениям, чаще всего в этом состязании выигрывает жених: невесте бывает труднее справиться с пышным платьем.

Но мы знаем, что в браке чаще верховодит не муж, а жена, – чем лишний раз опровергаются любые суеверия. Если же говорить серьезно, то «подножка» – еще один символ единства в совместной брачной жизни.

Далее в этом месте чинопоследования традиционно должна следовать проповедь. А потом священник задаст жениху и невесте вопросы: «Имаши ли (такой-то), произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, поять себе в жену сию (такую-то), юже zde пред тобою видишь?» – «Имам, честный отче». – «Не обещался ли еси иной невесте?» – «Не обещахся, честный отче». Аналогичные вопросы задаются и невесте. Эти вопросы адресованы не только жениху и невесте, но и всем присутствующим. И если вдруг какая-нибудь девушка выскочит из толпы и закричит: «Нет, нет! Он мне обещался!», понятно, что здесь священнику будет необходимо выяснить обстоятельства дела. Итак, эти вопросы и ответы необходимы для того, чтобы вся Церковь стала свидетелем добровольности (а то ведь кого-то из венчающихся могли и принудить к Браку) и законности вступления супругов в совместную жизнь, для того чтобы они сами явили свое «произволение благое и непринужденное» соединиться друг с другом во Христе.

А затем, когда подтверждена добровольность и законность этого брачного союза, начинается уже собственно чинопоследование Таинства: священник произносит возглас «Благословенно Царство ...».

Далее следует «мирная» ектеня, а за ней – три большие, очень глубокие по своему богословскому смыслу молитвы. К сожалению, некоторые священники сокращают при совершении Таинства их число, зачастую оставляя лишь одну из них – самую последнюю, краткую. А молитвы эти – очень важные и значимые: ведь в них раскрывается духовный смысл Брака и прослеживается связь христианского Таинства Брака с теми ветхозаветными браками древних праведников, о которых рассказывается в Библии, а также с образами новозаветных христианских святых. В этих молитвах мы находим обращенное к Богу прошение, чтобы Он благословил и сей Брак так же, как были благословлены браки ветхозаветных и новозаветных святых Авраама и Сары, Исаака и Ревекки, Иосифа и Асенефы, Моисея и Сепфоры, Иоакима и Анны, Захарии и Елисаветы. Священник молит Господа сохранить сочетавшихся Браком, как были сохранены (вот посмотрите, как нелегко жить в браке, с какими страшными библейскими испытаниями сравниваются постигающие человека в Браке искушения) Ной в ковчеге, Иона во чреве китовом и три отрока в печи Вавилонской. Есть здесь прошение и о том, чтобы даровать венчающимся в Браке такую же радость, какую испытала царица Елена, обретя честный

Крест Христов. Здесь же присутствует и молитва о родителях жениха и невесты, и прошение даровать вступающим в Брак мирную жизнь, долгоденствие, взаимную любовь, добродетель, и выражается надежда на то, что эти христиане получают от Бога неувядаемый венец славы и воссияют, подобно светилам на небесах.

Потом совершается благословение брачного союза во имя Троицею Божества, во имя Пресвятой Троицы. Взяв в руки венец, священник благословляет им жениха и одевает на него (иногда венцы держат свидетели) со словами: «Венчается раб Божий (такой-то) рабе Божьей (такой-то) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». То же самое совершается и в отношении невесты. Венцы символизируют славу союза Христа и Его Церкви. Венцы также служат символом увенчания невесты Христовой – человеческой души – за ее верность своему небесному Жениху, по слову Откровения святого Иоанна Богослова: «*Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни*» (Откр.2:10). Кроме того, венцы – это еще и символ царского достоинства, знак восстановления через Брак древнего, утраченного в грехопадении царственного достоинства Адама. И наконец, брачные венцы означают славу и честь мученичества, свидетельства о Христе. Как я уже сказал, Брак понимается Церковью еще и как подвиг, испытание, борьба с одолевающими супругов в их совместной жизни искушениями и прилогами.

Далее священник произносит слова: «Господи Боже наш, славой и честью венчай я», то есть «их». Этот момент – важнейший в Таинстве, миг, когда Господь духовно соединяет мужчину и женщину в благодатном Брачном союзе. Священник призывает Господа, силу Духа Святого на вступающих в Брак, и Бог свободно отвечает на этот призыв даром Своей благодати, совершает Таинство.

Затем звучит прокимен: «Положил еси на главах их венцы от камней честных, живота просиша у тебе, и дал еси им» (ср. Пс.20:4–5). Перевод этого прокимна таков: «Ты, Господи, положил на главах их венцы, украшенные камнями кристальной чистоты. Они просили у Тебя совместной жизни, и Ты дал ее им».

Потом читается отрывок из 5-й главы Послания апостола Павла к Ефессянам, где Брачный союз мужа и жены сравнивается с мистическим союзом Христа и Церкви; здесь же обозначаются главнейшие обязанности супругов по отношению друг ко другу.

Вслед за Апостолом читается отрывок из 2-й главы Евангелия от Иоанна – о Браке в Кане Галилейской. О духовной связи этого евангельского повествования со смыслом происходящего в христианском Браке преобразования венчающихся друг с другом мужчины и женщины церковными писателями, богословами сказано немало. Я приведу здесь лишь одно краткое толкование совершенного Христом на Браке в Кане претворения воды в вино – как образа той благодатной перемены, что происходит с мужчиной и женщиной в Таинстве Брака. Живший в XX веке епископ Феодор (Текучев) заметил как-то в своем «Духовном дневнике»: «До Брака жених и невеста – вода, а после Брака – вино».^[50]

Вслед за евангельским чтением произносится краткая «сугубая» ектенья «Рцем вси ...», а после нее – молитва, начинающаяся словами: «Господи Боже наш, во спасительном Твоем смотре ...». В ней иерей просит Бога сохранить сочетавшихся Браком в мире и единомыслии, даровать им непорочную жизнь через верное следование заповедям Божьим. Потом мы слышим «просительную» ектенью, а следом за ней – «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смести призывать Тебе, небесного Бога и Отца, и глаголать ...». Далее поется «Отче наш». В это время в древности происходило Причащение соединяющихся Браком людей. Затем приносится чаша с вином, которая произошла от выпиваемой супругами на брачном пиру первой заздравной чаши вина, а ныне напоминает нам об изначальной связи Брака и Евхаристии. Итак, подается чаша с вином. Она благословляется священником, и при этом читается молитва «Боже, все сотворивый крепостью Твоей ...». В древней Церкви было принято после испития этой

чаши ее разбивать. Это было символом того, что из чаши совместной жизни новобрачных будут пить только они одни, целиком и полностью принадлежа лишь друг другу.

После этого иерей соединяет правые руки мужа и жены, а затем покрывает соединенные руки своей епитрахилью. Поверх епитрахили священник кладет руку. Это значит, что через священническую руку мужу вручается жена от лица всей Церкви и что Церковь навеки соединяет мужа с женой. Держа руку поверх соединенных рук мужа и жены, священник трижды обводит новобрачных вокруг аналая. Круг здесь символизирует вечность, а троекратное обхождение совершается во славу Пресвятой Троицы. При обхождении поются тропари: «Исайе, ликуй ...», где прославляется Богородица, «Святим мученицы ...», где призываются мученики, подвигу которых уподобляется брачная жизнь, и «Слава Тебе, Христе Боже ...» – благодарение Богу за совершившийся Брак, который должен стать зримым прославлением Пресвятой Троицы.

В греческой богослужебной традиции эти тропари пелись начиная с XV столетия; первоначально они звучали во время торжественного шествия молодых после Венчания в брачный чертог.

Потом муж и жена поставляются священником на свои прежние места и с них снимаются венцы с особыми словами приветствия: «Возвеличися, Женише, якоже Авраам ...» и «И ты, невесто, возвеличися, якоже Сарра ...».

Далее следуют две небольшие молитвы. Первая из них начинается словами: «Боже, Боже наш, пришедый в Кану Галилейскую и тамошний брак благословивый ...». Здесь священник просит Господа благословить сочетавшихся и воспринять их непорочные венцы в Царствии Небесном. Вторая молитва: «Отец, Сын и Святой Дух, Всесвятая и Единосущная, и Живоначная Троица ...». В ней иерей просит Святую Троицу даровать супругам долгоденствие, преуспеяние в вере, обилие земных и небесных благ – по молитвам Пресвятой Богородицы. Затем – «Премудрость ...», «Честнейшую Херувим ...» и отпуст. Во время отпуста поминаются святые равноапостольные Константин и Елена. Они были первыми земными царями, принявшими христианство, способствовавшими его победе. Союз Христа и Церкви они в своем апостольском служении реализовали как брачный союз, охвативший собой всю известную тогда античному миру Вселенную. Они обвенчали Вселенную со Христом. Новоначная пара призывается подражать их апостольской ревности. Поминается здесь также и мученик Прокопий, потому что во время своих страданий он вдохновил 12 благородных женщин идти на страдания и смерть ради Христа – как на брачный пир.

После отпуста полагается «Молитва на разрешение венцев во восьмой день». В Византии и в Древней Руси венцы оставались на неделю в доме вступивших в супружеский союз новобрачных, а на восьмой день после Венчания сюда приходил священник вместе с их родными и друзьями, вновь поздравлял с заключенным Браком и забирал венцы. Тогда это были не привычные для нас по сегодняшней русской богослужебной традиции пышные золоченые короны, а венки из живых цветов. В молитве вновь упоминается чудо в Кане, воссылается слава Отцу и Сыну и Святому Духу. При этом Церковь молится о сохранении и утверждении брачного союза.

В Требнике есть еще и «Последование о двобрачном», то есть о вступающих во второй Брак. Это заметным образом сокращенный чин Венчания, причем чин по своему характеру покаянный. Символические образы, содержащиеся в произносимых здесь молитвах, могут нам напомнить скорее не о радости брачного торжества, а о печальном настрое грешника на Исповеди. Вспоминаются тут в основном евангельские блудница, мытарь, разбойник: будто каются люди, а не венчаются. Однако если хотя бы один из вступающих в такой брак не является второбрачным, ради него чаще всего совершается обычное чинопоследование, а не «Последование о двобрачном».

- [1] Пространный Христианский катехизис. С. 61–62.
- [2] Цит. по: Таинство Брака: богословские аспекты // V Международная Богословская Конференция Русской Православной Церкви. Православное учение о Таинствах. Т. III. С. 11.
- [3] Святитель Иоанн Златоуст. О девстве, 9 // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. I. Кн. I. М., 1991. С. 302.
- [4] Там же. С. 303.
- [5] Святитель Григорий Богослов. Слово 37-е на евангельские слова: «когда окончил Иисус слова сии ...» и проч. (Мф.19:1) // Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. I. С. 516.
- [6] Священномученик Мефодий Патарский. Пир десяти дев // Святой Мефодий епископ и мученик, Отец Церкви III-го века. Полное собрание его творений. С. 43.
- [7] Блаженный Феодорит Кирский. Сокращенное изложение Божественных догматов, 25 // Восточные Отцы и учителя Церкви V века. Антология. М., 2000. С. 216.
- [8] Святитель Астерий Амасийский. Беседа на слова Евангелия от Матфея: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женой своей (Мф.19:3)? // Богословский Вестник МДА. Сергиев Посад, 1893. Т. II. Июнь. С. 384.
- [9] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака // Соловьев В. Смысл любви. Троицкий С. Христианская философия брака. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Брак в Православии. М., 1995. С. 93.
- [10] Святитель Иоанн Златоуст. Похвала Максиму, и о том, каких должно брать жен // Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. Кн. I. М., 1994. С. 227–229.
- [11] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака. С. 156.
- [12] Там же.
- [13] Там же. С. 62–63.
- [14] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 33-я на Первое Послание к Коринфянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 10. Кн. I. М., 2004. С. 340.
- [15] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа на слова апостола «жена привязана есть законом, в елико время живет муж ее: аще же умрет, свободна есть, за него же хочет посягнуть, точию о Господе: блаженнейша же есть, аще тако пребудет» (1Кор.7:39–40) // Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. Кн. I. С. 215.
- [16] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 19-я на Первое Послание к Коринфянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 10. Кн. I. С. 181.
- [17] См.: Климент Александрийский. Строматы, III. XVII. 104, 1–3 // Климент Александрийский. Строматы. Т. I. СПб., 2003. С. 450.
- [18] Антоний Сурожский. митрополит. Таинство любви. СПб., 1904. С. 7.
- [19] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 20-я на Послание к Ефессянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. II. Кн. I. М., 2004. С. 180.
- [20] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа на слова апостола «жена привязана есть законом, в елико время живет муж ея: аще же умрет, свободна есть, за него же хочет посягнуть, точию о Господе: блаженнейша же есть, аще тако пребудет» (1Кор.7:39–40) // Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. Кн. I. С. 216, 222.
- [21] Святитель Григорий Нисский. Послание о жизни святой Макрины. М., 2002. С. 23.
- [22] Климент Александрийский. Строматы. III, 12, 87 // Климент Александрийский. Т. I. С. 442–443.
- [23] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака // Соловьев В. Смысл любви. Троицкий С. Христианская философия брака. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Брак в Православии. С. 88.
- [24] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 12-я на Послание к Колоссянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. II. Кн. I. С. 465.
- [25] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 33-я на Первое Послание к Коринфянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 10. Кн. I. С. 333.
- [26] Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 312.
- [27] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 20-я на Послание к Ефессянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. II. Кн. I. С. 175.

- [28] Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 12-я на Послание к Колоссянам // Там же. С. 466.
- [29] См.: Святитель Григорий Богослов. Слово 37-е // Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 513–514.
- [30] Климент Александрийский. Строматы. Т. I. С. 434.
- [31] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака. С. 127.
- [32] См., например: Святитель Иоанн Златоуст. О девстве // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. I. Кн. 1. С. 308–309.
- [33] Указание соответствующих мест в творениях блаж. Августина см: Муретов М.Д. Христианский Брак и Церковь // Муретов М.Д. Избранные труды. М., 2002. С. 548–550.
- [34] Святитель Иоанн Златоуст. О творении мира // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 6. Кн. 2. С. 815.
- [35] Священномученик Мефодий Патарский. Пир десяти дев // Святой Мефодий епископ и мученик, Отец Церкви III-го века. Полное собрание его творений. С. 95.
- [36] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака. С. 80.
- [37] См.: Священномученик Мефодий Патарский. Пир десяти дев. Речь 2. Феофила. С. 35–44.
- [38] Цит. по: Муретов М.Д. Христианский Брак и Церковь. С. 546.
- [39] Цит. по: Троицкий С. Христианская философия Брака. С. 103.
- [40] Святитель Феофил Антиохийский. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С. 160.
- [41] См.: Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 12-я на Послание к Колоссянам // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 11. Кн. 1. С. 464.
- [42] Мейендорф Иоанн, протопресв. Брак в Православии. С. 220.
- [43] Катехизис Католической церкви, 1623 // Катехизис Католической Церкви. М., 1996. С. 383.
- [44] Катехизис Католической церкви, 1630. С. 384.
- [45] Святитель Григорий Богослов. Слово 37-е // Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 513–514.
- [46] Цит. по: Мейендорф Иоанн, протопресв. Брак в Православии. С. 246.
- [47] См.: Правила святого Поместного собора Гангрского // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 2. М., 1994. С. 38–44.
- [48] Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб., 1857. С. 363.
- [49] Климент Александрийский. Педагог, II, 10. О благочестном в христианском браке, рождении детей и против роскоши в одеждах. С. 193.
- [50] Феодор (Текучев), епископ. Из духовного дневника // У «Пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века / Сост. Ю.Г. Малков и П.Ю. Малков. М., 2003. С. 460.

Источник: *Введение в Литургическое Предание: Таинства Православной Церкви: курс лекций / П.Ю. Малков. — 4-е изд. — М.: Изд-во ПСТГУ. 2016. — 352 с.*